

12 7 АВГ. 1941.

ЗАГАДКА И. Л. А.

ВСТРЕЧИ
С ЛЮДЬМИ
ИСКУССТВА

влюбленный. Если забыть на секунду о работах литературоведа, о таланте рассказчика, о множестве живых человеческих пор-

третов, толпящихся в его памяти, можно подумать, что единственное содержание его души составляет именно музыка. Он готов в любую минуту взорваться рассказом о музыке, словно только и ждал возможности рассказать о замечательных дирижерах, певцах, пианистах, которых ему посчастливилось слышать, тут же напеть тему любимой симфонии и показать заодно, как дирижировал бы исполнявшим симфонию оркестром Мравинский или Штидри. И, может быть, именно эта страстная любовь, эта одержимость музыкой придала такую притягательность его выступлению по телевидению, названному «Воспоминания о Большом зале».

Глубокий, профессиональный разговор о Большом зале Ленинградской филармонии, о его истории, о блестящей плеяде исполнителей увлек множество людей, считавших ранее серьезную музыку трудной для понимания. Человек, обратившийся к ним с экрана телевизора, не только рассказывал им о музыке и помогал ее понять, но сумел сделать нечто большее: пробудить пытливую мысль о музыке, стремление к ней приобщиться. Свежее, чистое чувство приобщения к искусству, какое ощутили в тот вечер столь разные, сидящие у телевизоров люди, было самой сильной и благородной чертой этой передачи, вызвавшей огромное количество откликов.

Любое из дарований, каким обладает Андроников, достаточно значительно, чтобы стать для него основным и единственным, той благодарной «золотой жилой», которую можно было бы спокойно разрабатывать целую жизнь. Совместить их все в своей душе — значит отказаться от покоя и отдыха, непрестанно чувствовать себя находящимся в напряженной творческой командировке, работать с предельной самоотдачей, служа каждому своему призванию так, как если бы оно и было главным делом его жизни.

Таким главным делом ощутил для себя Андроников и Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, ставший ныне у нас светлой и могучей традицией. Что за чудо, эти праздники в Пушкинских местах, где собираются поэты разных стран и континентов, чтобы прочесть свои стихи, — дань бесмертному Пушкинскому гению, а десятки тысяч людей внимают поэзии, спускающейся в тот день на землю, словно сияние... А потом, как неслышная участница праздника, приходит белая ночь с ее колдовством. Белая ночь заглядывает в окна Пушкинского дома на Мойке, бродит между деревьями старого парка в Михайловском, укрывает легким, печальным покрывалом могилу поэта... Ничто не может сравниться с пронзающей красотой путешествия по Пушкинским местам, и Андроникову из года в год выпадает высокая честь организовать и повести в это путешествие прибывших на праздник гостей, проводить митинги, где, словно во вдохновенной симфонии, слетаются голоса поэтов, звучит музыка стихов.

Как его хватает на все это, действительно может показаться загадкой.

Но, если хорошо взглянуть, можно ее и разгадать.

Просто у этого талантливого человека бесконечно щедрое, доброе и бескорыстное сердце.

Татьяна ТЭСС

казалось, что другой мой по-прежнему жив...

Дар изображения пробудился в Андроникове давно: в коридорах ленинградских редакций писатели обступали молодого сотрудника, когда он с увлечением «показывал» их знаменитых собратьев. «Портретная галерея» росла с удивительной быстротой. Андроников начал выступать с устными рассказами на эстраде; деньги, которые он зарабатывал выступлениями, давали ему возможность проводить многие часы в научных библиотеках, рыться в архивах, разыскивая новые материалы о Лермонтове. Работы Андроникова о Лермонтове принесли ему заслуженную славу талантливого литературоведа, высокие ученые степени.

Две страсти легко соседствовали в нем — рассказчик и литературовед не мешали, а помогали друг другу. В свои устные рассказы Андроников включил новый жанр — литературоведческую поисковую новеллу.

И едва он поделился со слушателями первой из них, как произошло нечто неожиданное: сотни людей ринулись помогать Андроникову в его поисках. Бурная энергия, с какой он готов был мчаться на край света в надежде найти новый материал; неукротимый азарт, вносимый им в поиски; доверительность, с какой он делился со слушателями и телезрителями своими надеждами, находками, тревогами, — все это передавалось, как ток, заражало, вызвало искреннее желание тоже включиться в поиск. Литературоведение, перенесенное из архивной тишины в атмосферу обычной жизни, открылось по-новому для множества людей, с радостью ощутивших возможность своего к нему причастия: со всех концов страны шли к Андроникову письма с указанием адресов, где могут находиться интересующие его документы, с сообщениями, рассказами о собственных находках. На столе Андроникова появились толстые связки писем, папки с присланными ему вырезками, фотокопиями, гравюрами.

А он опять, не страшась дальних расстояний, куда-то мчался, чтобы разгадать тайну стихов, вписанных в пожелтевший от времени альбом, или отыскать портрет давно умершей красавицы, бывшей когда-то другом великого поэта. И опять рождались рассказы, — точные, как исследование, увлекательные, как детектив; недаром кто-то удачно назвал их «детективами без преступлений».

Эти рассказы были уже не только устной импровизацией: они приобрели законченную литературную форму. Появилась книга «Рассказы литературоведа», ее раскупали нарасхват. Читая книгу, можно было заметить характерную ее черту: Андроников-писатель владел прозой точно так же, как Андроников-рассказчик владел речью в зале, где он хорошо знает акустику, — свободно, легко, никогда не повышая голоса там, где этого не требовалось.

В МОЛОДОСТИ Андроников закончил Ленинградский университет, учился в Институте истории искусств. Но главным университетом, по его собственным словам, была для него Ленинградская филармония.

Он знает музыку глубоко, как музыкант, восхищается ею пылко, как

только для тех, кто данную семью знает.

Андроников не изобразитель частных особенностей своих героев. Он не копирует человека, — он волшебным переоплощается в него. Его талант портретиста и рассказчика опирается на прочную основу: глубокое знание предмета. Ибо Андроников знает о своем герое все, что может знать один человек о другом.

Он знает его отношение к людям, к работе, к самому себе, знает его образ мышления, особенности его таланта, знает, что его радует и что может больно ранить. Он обожает своего героя, восхищается им, и если по праву друга иногда подтрунивает над его слабостями, то делает это так любовно, с такой веселой нежностью, что это лишь добавляет очарования облику человека, о котором Андроников увлеченно и доверительно рассказывает.

И о ком бы ни был его рассказ, сколько бы ни тайлось в нем прелестных подробностей и юмора, — в рассказе всегда весомо и зримо показано самое важное: благородная страсть, живущая в чужой душе. Это всегда рассказ о человеке и о главном деле его жизни.

Память человеческая устроена поразному, особенности ее бесконечно многообразны. Вызывает уважение книголюб, знающий наизусть всего «Евгения Онегина». Любители музыки заполняют концертный зал, когда пианист, хранящий в памяти все сонаты Бетховена, исполняет их несколько вечеров подряд. Зрители аплодируют знаменитому сатирическому актеру, когда он с увлечением и легкостью, не растеряв ни единой краски, произносит на девяти различных языках один и тот же монолог, и слова как бы сами льются с его губ.

Но у памяти, какой обладает Андроников, есть особенность, постигнуть которую трудно.

Как может хранить память такое количество живых образов, живых звучащих голосов, сложных глубоких чувств, присущих другим людям? Как может она вместить столько чужих привычек, увлечений, слабостей, пылких стремлений — целый мир чужой жизни с его бурями и страстями? Вместить, не отягчаясь такой громадной ношей, а самозабвенно ей радуясь, бережно и умело ее храня, — с тем, чтобы в любой момент щедро поделиться своим богатством...

ОДНАЖДЫ в разговоре с Андрониковым речь зашла об одном писателе, человеке мне дорогом и близком, которого уже нет в живых. Потом беседа перешла на другую тему. И вдруг, в какой-то миг, я услышала голос этого писателя, как если бы он вошел в комнату. Лицо Андроникова неуловимо изменилось, глаза прищурились, рука сделала энергичный жест вверх, щеку тронуло чуть заметное нервное подергиванье... Наиболее поразительным было не внешнее сходство при всей его фантастической неожиданности, а то, что слова и суждения, какие произнес в разговоре Андроников, были именно такими, какие сказал бы по данному поводу сам писатель, если бы сидел рядом с нами. И долго потом, когда я уже вернулась домой, в моих ушах звучал этот хорошо знакомый голос и

«НА МОЮ долю выпала однажды сложная и необыкновенно увлекательная задача». Так начинается рассказ Ираклия Андроникова «Загадка Н. Ф. И.» и теми же словами я позволю себе начать рассказ о нем самом, заменив в названии буквы Н. Ф. И. на его собственные инициалы. Ибо присущая И. Л. Андроникову поразительная способность соединять в себе самые различные таланты, каждого из которых хватило бы на целую творческую судьбу, всегда казалась мне загадкой.

Дело не только в многосторонней одаренности: в любой области искусства можно найти людей, обладающих несколькими совершенно различными творческими способностями. Главная особенность Ираклия Андроникова, на мой взгляд, заключается в редкостном своеобразии и счастливой самостоятельности каждого из его талантов и в свободной, естественной гармонии, с какой они соединяются в его душе. Однажды Корней Иванович Чуковский сказал, что за всю свою жизнь он не встречал ни одного человека, который был бы хотя бы отдаленно похож на Андроникова. Слова эти нельзя не запомнить: Чуковский прожил долгую, богатую событиями жизнь и повидал в разных ее эпохах немало интересных людей.

В телевизионных программах выступления Андроникова названы просто: «Ираклий Андроников рассказывает». Но вот Андроников появляется на экране телевизора, и герои его рассказов встают рядом с ним во всей своей живой силе. И не успеваешь вы опомниться, как вместе с автором рассказов уже вошли в ваш дом Алексей Толстой и Маршак, Качалов и Солдартинский, Остужев и Фадеев, Всеволод Иванов и Шкловский и многие, многие другие. Дом ваш наполнился их звучными голосами, их искренним смехом, вы явственно видите их лица, смеетесь, когда смеются они, и задумываетесь над тем же, над чем размышляют эти талантливые, необыкновенно интересные люди, с которыми вам, зрителю, так жалко будет расстаться.

Большинство телезрителей никогда не видело героев этих рассказов в жизни. Найдутся, возможно, и такие, которые не слышали даже имени некоторых. И все же каждая встреча с этими людьми, живущими в устных рассказах Андроникова, всегда ярка, значительна, ее долго помнят, о ней толкуют друг с другом, ее хотят повторить. Почему же это происходит?

Когда в картинной галерее вы останавливаетесь перед портретом, написанным рукой талантливого живописца, вы не думаете о том, знаком ли вам этот человек, встречали ли вы его когда-либо. Вы познакомились с ним сейчас, глядя на его портрет, — познакомились близко и полно. В одной из старых книг я прочла фразу: «Мы не знаем, с кого эти портреты писаны, но знаем, что они похожи». Сходство заложено в самих портретах, в их выразительности, в яркости характеристик; в сходстве убеждает умение художника проникнуть в душу своего героя, в его внутренний мир.

Андроников обладает этим даром в высокой степени.

Имитатор стремится прежде всего подражать другому человеку, скопировать его голос, интонацию, манеру держаться, манеру говорить. Имитация может быть удачной, но, подобно семейной фотографии, она интересна